

"Ты недооцениваешь мою силу, старик!"

С надвигающимся ужасом Наруто понял, что собирался сделать его единственным сыном. Это была ошибка, которую он не раз совершал в юности: позволял гневу брать верх над собой. Он наблюдал, как его стойка опускается, как напрягаются мышцы, готовясь к грандиозному прыжку. Прямо на него.

"Энни, - его голос сорвался на полуслове, он прекрасно понимал, какую глупую ошибку собирается совершить его сын. "Не пытайся!"

Слишком поздно.

Вейдер сделал выпад, его световой меч вспыхнул нечестивым красным цветом в отблесках лавы, а затем...

Наруто проснулся от неожиданности.

Сердце заколотилось, и он с трудом поднялся на ноги, задыхаясь. По его телу струился холодный пот, оставляя его влажным.

"Опять сны?"

Блондин повернул голову и с ужасом обнаружил, что находится в своей койке на борту "Конохи", а одеяла спутались вокруг их ног. Их? Подождите. Удивление стало приятным, когда он понял, что Шми Скайуокер лежит рядом с ним, ее ноги спутаны с его ногами, а юное лицо смотрит на него с пониманием, которого он не заслуживал. Она сменила дневную одежду на простое белое платье, маняще подчеркивавшее все ее изгибы, но не оставлявшее простора для воображения. Ее волосы были освобождены от пучка, который она носила ранее утром, и теперь ее русые локоны каскадом струились по спине и обрамляли лицо темно-коричневым цветом, искушая его своим ароматом.

Наруто моргнул, пытаясь вспомнить, как он здесь оказался. Он смутно помнил, что вернулся сюда после спарринга с Квай-Гоном... но остальное оставалось в тумане. Должно быть, в какой-то момент он заснул. Проснуться и обнаружить, что она здесь, рядом с ним, что она покинула хижину и пробралась на борт только для того, чтобы увидеть его, было почти достаточно, чтобы изгнать эти старые страхи.

Почти, но не совсем.

"Что-то вроде этого, - признал он, прикоснувшись рукой к лицу и рассеянно ощупывая то место, где должен был быть шрам. Воспоминания о сне уже улетучивались. Вопросов было так много. Почему Энакин стал темным? Кто такой Сидиус? Какую роль во всем этом сыграла Падме? Как во сне он смог использовать Силу? И почему у него вдруг появилось ужасное чувство, что он

потеряет единственную женщину в этой вселенной, которую он когда-либо по-настоящему любил? Он смотрел на нее, как будто мог каким-то образом запечатлеть этот момент в своем сознании и сохранить его там. Навсегда.

"Я беспокоюсь о нем". Наруто признался: "Энни, я имею в виду. Он хороший парень, не поймите меня неправильно, но эти сны..."

Шми ничего не сказала, не спросила, хочет ли он поговорить об этом, не стала выпытывать у него подробности. Вместо этого она просто придвинулась ближе и обхватила его руками, позволяя ему впитывать ее присутствие, греться ее теплом. Наруто вздрогнул от ее прикосновения, внезапно осознав, как близко она находится и как мало на ней надето. И не только это, но и... как сильно он ее любил. Эта замечательная, великолепная, прекрасная женщина в его объятиях; свет его жизни, мать его ребенка и центр его вселенной.

Наруто вздохнул и провел пальцами по ее волосам медленными круговыми движениями, изо всех сил занимая свои мысли. Шми улыбнулась и повернулась навстречу его прикосновениям, ее щека прикоснулась к его щеке как раз вовремя, чтобы он поцеловал ее в нос. Она прижалась к нему, не скрывая своего желания, а ее пальцы перебирали кожаные ремешки его жилета.

"Я когда-нибудь упоминала, как сильно я тебя люблю?" Наруто вздохнул с блаженством, которое он действительно чувствовал.

Улыбка Шми выросла еще на дюйм, когда она помогла ему освободиться от громоздкой куртки.

"Да, но все равно скажи мне".

"Я люблю тебя", - прошептал он, поглаживая ее по волосам, а затем по спине через мягкую ткань сменки. "Обожаю тебя. Клянусь, если бы у меня не было такой, как ты, я бы сейчас лежал лицом вниз в сточной канаве, понимаешь? Ладно, - поправил он ее забавное выражение лица, - не самый лучший способ возбудить тебя, я знаю. Но как насчет этого?" Он притянул ее к себе и впился в ее губы поцелуем, проникая языком в ее губы, прося войти, и она с радостью согласилась.

"Ммм..." Ее кровь вибрировала от его прикосновений.

"Как тебе Корусант?" - неожиданно спросил он, когда они отстранились друг от друга, стирая с ее лица возбуждение. "Когда мы будем свободны, мы не сможем оставаться здесь, ты же знаешь".

Шми сделала вид, что обдумывает вопрос, и покачала головой в знак отрицания.

"Я бы предпочла какое-нибудь отдаленное место".

"Тогда Мандалор".

Шми странно посмотрела на него.

"Мандалор", - повторила она, нахмурившись. "Разве не там тебя обучал Джанго?"

"Да." признал Наруто, прекрасно понимая, что ее взгляд устремлен на него.

"Проблемы?"

"Нет, не проблема", - покачала головой его подруга. "Просто в последнее время я задумалась".

"О чем?"

"Позволить тебе тренировать Энни".

На лице блондинки расцвела блаженная улыбка. Он не стал спрашивать, почему; важно было лишь то, что они наконец-то устранили единственное препятствие в их отношениях - решение позволить Наруто тренировать Энакина так, как тренировали его самого. Когда все это исчезло, джинчуурики почувствовал, как в его груди расцветает такая радость, что он ничего не мог с собой поделать. Его также нельзя было винить за то, что он сделал дальше.

"Все официально", - решил он, погладив Шми по подбородку.

"Что именно?" - промурлыкала она, касаясь его губ.

"Ni kar'tayl gar darasuum".

"Что это значит?"

Наруто улыбнулся и снова поцеловал ее.

"Что я чертовски люблю тебя".

Она поцеловала его, и в тот вечер между ними больше не было слов. Наруто больше не думал о жутком видении, которое ему привиделось, потому что он был полон решимости предотвратить это, чего бы ему это ни стоило. Он не позволит своему сыну стать тем монстром, с которым он сражался во сне. Он не допустит, чтобы Шми тоже погибла. Он найдет для них способ покинуть эту планету, к черту Ватто и Джаббу. Он защитит их. Их обоих.

Даже если это будет стоить ему жизни.

Как оказалось, Ватто было легко переубедить. Забавно, насколько убедительным может быть бластер, направленный в лицо. Выставив свой корабль в качестве товара, они смогли попасть на Гонку Бунта, к большому удивлению Наруто. Блондин не говорил этого вслух, но Квай-Гон мог сказать: у отца были серьезные сомнения по поводу участия сына в гонках. Но все это ушло на второй план, как только отец и сын принялись за работу над капсулой: Наруто создал пару клонов, чтобы помочь в работе, а Энакин вскоре начал приставать к отцу с просьбами освоить технику.

В конце концов, утомив друг друга, отец и сын рассмеялись и принялись за работу над капсулой; даже с клонами они работали в таком тандеме, что это казалось почти сверхъестественным.

Пока Энакин и его помощники были заняты этим делом, Квай-Гон поднялся на заднее крыльцо дома Скайуокеров, огляделся, чтобы убедиться, что он один, и включил комлинк, чтобы связаться с Оби-Ваном. Его протеже ответил сразу же, ожидая отчета, и Квай-Гон ввел его в курс дела.

"Если все пойдет хорошо, завтра к полудню мы получим генератор гипердвигателя и отправимся в путь", - заключил он.

Молчание Оби-Вана было красноречивым. "Что, если этот план провалится, учитель? Мы можем застрять здесь надолго".

Квай-Гон Джинн окинул взглядом убожество рабских кварталов и крыши зданий Мос Эспа за их пределами; над головой ярко сверкали солнечные лучи. Он не мог отделаться от ощущения, что они приземлились здесь с какой-то целью, что сама Сила пытается ему что-то сказать. Но что? Когда ничего не приходило на ум, он вновь обратил внимание на комлинк. "Корабль без источника питания ни к чему нас не приведет, - ответил он своему ученику, прекрасно понимая, насколько резко он говорит. У нас нет выбора".